

УДК 81'366.3

О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

В.М. Мокиенко

Рассматривается одна из дискуссионных проблем лингвистики – проблема места и значимости фразеологии в уровне иерархии языка.

Ключевые слова: уровни языковой системы; фразеологическая единица; фразеология; межуровневая иерархия; фразеологическая вариантность; трансформации фразеологических единиц.

ABOUT THE PHRASEOLOGICAL LEVEL OF THE LANGUAGE SYSTEM

V.M. Mokienko

The paper considers one of the debatable problems of linguistics - the problem of the place and significance of phraseology in the level hierarchy of the language.

Keywords: levels of the language system; phraseological unit; phraseology; interlevel hierarchy; phraseological variants; transformations of phraseological units

Фразеология – область языковой системы, которая возникла из сплава единиц разного уровня. В силу того, что одним из ее специфических свойств является устойчивость, определенный “консерватизм”, она сохраняет в себе свойства тех языковых уровней, которые ее подпитывали процессе функционирования, ибо такая “подпитка” – один из мощных ресурсов одного из ее категориальных свойств – экспрессивности.

Факт относительной уровневой самостоятельности фразеологии в общей системе языка признается сейчас (разумеется, с различными ограничениями и дискуссионными комментариями) большинством лингвистов. Исследования при этом показали, что фразеологический уровень языковой системы структурно и функционально-семантически весьма отличается от других уровней – фонологического, морфологического и словообразовательного, лексического и синтаксического. Это различие закрепляется прежде всего в комбинированном, компликативном характере фразеологических единиц (ФЕ): обладая признаками всех других языковых уровней, они эксплицируют такие признаки по-своему, просеивая их сквозь фильтры собственно фразеологической семантики и формы.

Таким образом, как видим, при всех до сих пор окончательно не решенных теоретических и практических вопросах фразеологии одну, как кажется, все-таки удалось решить. Это – карди-

нальный вопрос о том, образует ли фразеология самостоятельный языковой уровень, представляет ли она собою пусть сложное и противоречивое, но относительно единое языковое пространство. И на этот вопрос многие фразеологи сейчас отвечают однозначно: да, фразеологический уровень (resp. фразеологическая система) – языковая реальность, научно обоснованный факт.

Этот ответ вызрел именно благодаря неустанным попыткам исследователей соизмерить ФЕ с параметрами других языковых уровней. Один из послевоенных патриархов русской фразеологии В.Л. Архангельский сформулировал этот важный критерий фразеологической системности сорок лет назад. “Под фразеологической системой русского языка понимается не только набор ФЕ, образующих в синхронном аспекте фразеологический состав языка, – писал он, – но и наличие закономерностей образования ФЕ, внутренние свойства и отношения между компонентами ФЕ, отношения между ФЕ как единицами системы и отношения ФЕ к единицам других уровней” [1, с. 261].

Именно отношение ФЕ к языковым единицам других уровней и определяет специфику фразеологической системы, делает ее системой особой, самостоятельной. Но этого мало. Ведь отношение ФЕ к другим языковым единицам рождает и систему “ограничений, связывающих свободу употребления ФЕ и их компонентов на всех уровнях”

[1, с. 270]. И именно такую систему В.Л. Архангельский, а за ним и многие другие лингвисты считают теперь собственно фразеологической системой.

Таким образом, открывается важная специфическая черта фразеологического уровня по сравнению с другими языковыми уровнями. Если фонологический, морфологический, лексический и синтаксический уровни проявляются и выявляются прежде всего в их функциональной амплитуде, во всей широте реализации в общей языковой системе, то фразеологический уровень познается, так сказать, “методом от противного”, он выявляется как “система ограничений” функциональной амплитуды других языковых уровней.

И действительно: ограничения проходят через всю языковую ткань фразеологии, образуют ее структурную и функционально-семантическую плотность. Ведь фразеологический статус в составе языковой системы приобретают лишь те языковые единицы, которые так или иначе ограничивают свои уровневые потенциалы. Так, чисто фонетическая корреляция *у – ву* (с эпентетическим *в*) в ряде славянских языков имеет характер закономерности: ср. рус. угол – укр. вугол – бел. вугал; пол. *węgieł* и др.; рус. уда, удочка, чеш. *udice* – укр. *вудка*, бел. *вуда*, болг. *вѣдица*, пол. *węda*, *w'dka*, в.-луж. *wuda* и т. п. Русский шуточный оборот вумный как вутка ‘о недалеком, простоватом и глупом человеке’ стал возможным как таковой именно потому, что в русском языке эта общеславянская корреляция предельно ограничена, ощущается как фонетическое исключение. За счет этого прозрачное по образу сравнение и приобретает фразеологический и высоко экспрессивный статус. Парадоксален при этом факт, что как раз в чисто этимологическом ключе эта корреляция является фикцией, ибо эпентезы для этого слова не зарегистрировано не только в русском, но и в украинском (*утиця*), в белорусском (*уць, уціца*) и других славянских языках [2, с. 174]. Быть может даже, эта этимологическая фиктивность эпентезы в русском обороте *вумный как вутка* и дала приращения смысла и экспрессии, столь необходимые для идиоматизации свободного словосочетания.

Примеры такого рода известны всем славянским языкам. Особенно многочисленны они, естественно, для лексического и синтаксического компонентного уровней в составе фразеологии. Именно “ограничительность”, “исключительность” порождает такое специфическое свойство ФЕ, как идиоматичность.

Взаимодействие ФЕ с единицами других языковых уровней показывает, что “материальная зависимость” первых от вторых несомненна, но

далеко не равнозначна. Фразеологическая подсистема отбирает из каждого уровня то, что соответствует ее собственному статусу, отсекая необязательное и излишнее. Квоты такого “усекновения” можно выявить путем анализа фразеологического варьирования, процесс которого охватывает весь уровневый диапазон языковой системы. Поскольку общей спецификой фразеологического варьирования является допущение различных формальных трансформаций при сохранении относительной стабильности структурно-семантической модели (resp. фразеосхемы), то пределом парадигматической свободы единиц, входящих в состав ФЕ, является именно такая стабильность.

Сформулированное ограничение определяет специфику функционирования единиц разного уровня в составе ФЕ. Поскольку, в отличие от лексем, последняя членится не на морфемы, а на словесные компоненты (как правило, с ослабленным лексическим значением), то парадигматическая амплитуда фонем и морфем в таких компонентах значительно сужена. Фонетические варианты, например, в большинстве случаев оказываются для фразеологического уровня нерелевантными, поскольку практически не влияют на структурно-семантическую модель. Морфологическая парадигматика как компонентов ФЕ, так и фразеологизмов как единого целого, также диктуется прежде всего взаимодействием фразеологической модели (или конкретной ФЕ) с контекстным окружением. Отсюда – хорошо изученная фразеологами парадигматическая “ущербность” компонентов ФЕ на морфологическом и словообразовательном уровнях. Исключениями являются случаи типа рус. *мурашки бегают по спине у кого* (от страха, холода и т. п.), где специализация словообразовательного форманта вырывает слово из цепи компонентных замен, возможных для других славянских языков (ср. укр. [аж] *мурашки бігають за спиною (по спині, по тілу, по шкурі, за плечима)*; *наче мурашва бігала по тілу; мурашва побігла спиною; за плечима – мурахи; як комашки забігали по спині*; бел. *Мурашкі бегаюць (набеглі, забегалі, запоцзали, заерзали) на целе (скуры, спіне)*; в.-л. *běhaja žymne ješæelcy po chribjeæe komu*; чеш. *mřávenčí běhají pozádech komu*; слцк. *zimomriavky behajú pochrbte (potele) komu*, пол. *ciarki chodz' poskŹrze (po krzyżach, po plecach)*, *mrowie przechodzi po skyrze*; х./с. *podilaze mřavci koga* и др.

Особо специфично взаимодействие ФЕ с лексическим уровнем языковой системы. Включая в свой состав слова как компонентную основу, фразеологический уровень накладывает на их формальную и семантическую парадигматику существенные ограничения. Полисемантические лексемы

в составе ФЕ становятся как правило моносемантическими, сочетаемость их с другими словами резко сужается, стилистические параметры меняются в зависимости от стилистики ФЕ как неделимого целого. Предел свободы лексемы в составе ФЕ – некротизация компонентов, нередко завершающаяся разрушением ФЕ, т. е. превращением ее, в свою очередь, в слово (ср. наречия типа *начеку, настороже, дотла, вдрызг, вдребезги*; укр. *насторожі, дотла, уцент, доценту*). Лексическая вариантность, однако, являясь специфичным типом фразеологического варьирования, обеспечивает сохранение за лексемами – компонентами ФЕ сохранение относительной слownости.

Следует заметить, что интерес лингвистов и особенно фразеологов к взаимодействию “ФЕ – слово” традиционен. У его истоков лежит известная теория А.А. Потебни о “сгущении” басни в пословицу, пословицы – в поговорку, поговорки – в слово [3]. Несмотря на такой интерес, однако, из исследований этого сущностного явления ни лингвисты-теоретики, ни лексикографы-практики до сих пор не сделали должных выводов. Этимологи, в частности, нередко продолжают искать разгадку внутренней формы слова в древних индоевропейских этимонах, реконструкции которых ведутся по строгим младограмматическим канонам даже в тех случаях, когда налицо ареально и хронологически ограниченный процесс контракции словосочетания в конкретную лексему. Таковы, напр., русские глаголы *болтать, трепать, трепаться* в значении ‘пустословить’, которые являются продуктом эллипсиса сочетаний *болтать языком, трепать языком*, но этимологами реконструируются с глубокой и глубокомысленной дальнобойностью. Подобные процессы активны и в современной живой речи и особенно в жаргоне. Ср. пары “ФЕ – слово” со значением ‘обманывать’ в современном молодежном жаргоне, в которых далеко не всегда можно точно диагностировать первичность фраземы или, наоборот, лексемы, поскольку процесс их взаимобмена постоянно идет по восходящей: *гнуть и гнуть горбуху, гнать и гнать туфту, лепить и лепить горбатого, вешать и вешать лапшу, обуть и обуть в лапти, петь и петь Алябьева* и мн. др. [4].

Конкретные внимательные наблюдения над таким взаимобменом фразеологии и лексики много дадут и фразеологам, и лексикологам для интерпретации активных процессов развития славянских языковых систем. Один из них – словообразование на основе фразеологии, многочисленные результаты которого на русском материале лексикографически обобщил М.А. Алексеенко с соавторами в “Словаре отфразеологической лексики русского языка” [5].

Проблема соотносительности фразеологического и лексического уровней в этом ракурсе многопланова. Отфразеологическая лексика русского языка, например, – конгломерат самых разных образований: тут и словообразовательные конструкты типа *баклушничать, лодырничать, горбатиться, проворонить*, и слова, созданные “сплюсчиванием” минифразем типа *вдребезги, вдрызг, начеку, насмарку, подшефе, дотла*, или “эллиптоиды” типа напропалую, наудалую, напопятную, или оригинальные образования типа пофигизм, дофенизм и т. п.

Особого внимания требуют, как кажется, слова-окказионализмы – “осколки” узальных ФЕ, которые “отлавливаются” лишь многотрудным тщательным наблюдением над трансформациями ФЕ в художественной или живой речи. Именно они являются нередко импульсом структурного и семантического обновления современной лексической системы. Таковы, например, индивидуально-авторские лексические окказионализмы, описанные нами в специальном словаре [6] *велосипед вместо изобретать велосипед* [7, с. 96], *голова вместо иметь голову на плечах* [7, с. 161] и *шалашеуправление* вместо пословицы *С милым рай и в шалаше* [8, с. 572]. Они весьма далеко оторвались в результате процесса “отфразеологизации” от своих прямых фразеологических корней.

Синтаксическая парадигматичность ФЕ, как и парадигматичность лексическая, имеет двойную направленность. С одной стороны, ФЕ как словосочетания являются сущностно единицами “малого синтаксиса”. Они при этом, как и лексемы, характеризуются гораздо меньшей комбинаторикой, ограничиваемой как семантикой компонентов, так и целостным фразеологическим значением. Синтаксически модели ФЕ и свободных словосочетаний в то же время остаются идентичными. С другой стороны, как целостные, неделимые единицы ФЕ вступают в активные синтаксические связи с текстами разного объема, что функционально сближает их со словами. Пределы такой связи также во многом определяет семантическая специфика ФЕ.

На синтаксическом уровне поэтому ФЕ обнаруживает ту же функциональную раздвоенность, что и на других уровнях. Будучи семантически целостной единицей, ФЕ структурно постоянно демонстрирует свою расчлененность, без которой достаточно большая квота его экспрессивности была бы утрачена. Нередко это приводит к нарочитому разрыванию слова или словосочетания в большие раздельнооформленные комплексы. Вообще, синтаксические трансформации динамизируют фразеологическую систему, делают ее диалектически противоречивой, поскольку ФЕ в их процессе

может и развертываться в большие единицы, и сворачиваться в слово. При этом эти трансформации являются собой случаи не только межуровневого, но и межнационального и межкультурологического взаимодействия, поэтому весьма важно проследить их на как можно более широком языковом и экстралингвистическом фоне, с погружением в историко-этимологические глубины.

Покажем это на примере различных языковых переопределений книжного и иронического выражения *строить воздушные замки* ‘задумывать, планировать что-л. неосуществимое, нереальное; предаваться несбыточным мечтам’, диапазон функционирования которого в русском языке необычайно широк [9, с. 189–194].

Обычно его считают калькой с французского, которая закрепилась первоначально в форме *воздушные замки* как фразеологизация названия водевиля Н.И. Хмельницкого “Воздушные замки” (1818 г.), заимствованного автором у И.И. Дмитриева. Последний так назвал свою сказку о бесплодном Альнаскаре. Сочетание *воздушные замки* восходит к фр. *bâtir (construire, faire) des châteaux en Espagne* – букв. “строить замки в Испании”. Французское выражение восходит к XI в. Оно возникло после похода Генриха Бургундского в 1095 г. в Испанию, где он вместе с королем Кастилии Альфонсом VI сражался против мавров и победил их, за что был щедро вознагражден Альфонсом: получил руку его дочери и обширные владения, в которых стал возводить великолепные замки. Соотечественники завидовали ему и ни о чем другом не помышляли, как строить замки в Испании. Но так как в Испании у них не было владений, то им оставалось строить замки в воображении. Эти фантастические планы и несбыточные мечты и стали называться “воздушными замками” [10, с. 235–236].

Заглянем в русскую литературу XVIII в., где немало заимствований не только из французского, но и из немецкого и других европейских языков. Там мы, действительно, найдем самые разные вариации этого выражения – *башни на воздухе строить, строить замки на воздухе, строить (сооружать) воздушные хоромы, строить палаты на воздухе, городить воздушные палаты* и т. д.: “Прекрасная жена его вздохнет украдкою о том, что ее замужество построило ей замки на воздухе и что... сладость известна ей по одному воображению” [11]; “П а ш а: Бриллианты ли вам нравятся, я прикажу осыпать тебя ими с ног до головы. Говори, моя сударка. М у к т а л а в сторону: Какие палаты строит он для нас на воздухе” [12]; “Р е з я: Что ж бы, например, о чем рассуждал паша. М у к т а л а: Городит воздушные палаты и делает в своей голове план” [12]; “Иной, соорудив

воздушные хоромы, Мечтой питается, без правила живет” [13, с. 326–327].

Характерно и употребление этого оборота в форме *воздушные замки*, с усечением глагола: “Мысли твои о вечном возвышении и падении разума человеческого кажутся мне... *воздушным замком*: я не вижу их основания” [13]; “П о с т а н а х о х о ч е т: Все ваши *воздушные замки* я оберну *вверх дном*, ха, ха, ха, ха” [14].

Важно уточнить один момент истории этого выражения. Мы видели, что некоторые его историки переоценивают влияние комедии Н.И. Хмельницкого “Воздушные замки” на активность усвоения оборота русским литературным языком. Переоценивают хотя бы уже потому, что пьеса написана в 1818 г., а оборот уже в XVIII в. не только употреблялся самыми разными писателями, но и “оброс” многими вариантами. Именно эта, заданная самим европейским прототипом вариантность и активизировалась в русском языке по мере повышения употребительности оборота. Сейчас у него зарегистрированы практически все (кроме, пожалуй, фонетического) типы варьирования, о которых выше говорилось. Назовем несколько наиболее ярких примеров.

Пример синтаксического свертывания (имплицирования) – употребление оборота без глагола. Тогда он и превращается в иронический символ бесплодных и несбыточных мечтаний, фантазий: “Я выбрал себе турецкую софу, лег на нее и отдал себя во власть фантазии и *воздушных замков*” [15]; “Андрей составил уже два-три плана в своем воображении. Но все это было смутно, неопределенно и скорее похоже на воздушные замки, чем на настоящие проекты” [16].

Еще частотнее случаи развертывания этой идиомы: “Успокойтесь, я подумаю, я не отказываюсь решительно, но ваше предложение так неожиданно... Эти слова совершенно успокоили его и, как потом оказалось, он принял их за согласие. Счастью его не было границ, и с этого дня он начал строить *воздушные замки нашего будущего*” [17]; “Все дурное и хорошее должно иметь одинаково счастливый конец – такова была у Анисавы святая убежденность, и в самой однообразной жизни ухитрялась она *строить воздушные замки, без устали прибавляя к ним по камешку*”; “А потом он провожал ее в Москву и умолял назвать свой телефон, а она, как маленького, погладила его по голове и сказала: “Не надо, Саша, *строить воздушные замки*. Когда они *рушатся, их обломки тоже могут причинить боль*” [18].

В последних двух примерах, как видим, синтаксическая трансформация осложняется семантической – метафорическим развертыванием исходного образа. Ср. также такие примеры относительно

простого синтаксического эксплицирования, как возводился ажур воздушных замков [19]; возвели замок сыска и слежки [20]; торговать воздушными замками, сбывать замки воздушные кому [20].

Стремление к символизации фразеологизма проявляется и в активных попытках грамматической конверсии, т. е. в превращении глагола строить в существительные *построение, строительство* и т. п.: “Мартов прекрасно знает, что именно с этим ответом и борется Ленин, называя его “окостеневшим шаблоном”, “построением воздушных замков” [21]; “Многое из того, что предлагают читатели, действительно хорошо. Однако прав был старый философ, который сказал: *поручим строительство воздушных замков поэтам*: им это не стоит денег... “Клуб директоров” не намерен заниматься строительством воздушных замков, но не хочет быть и очень заземленным. В конце концов все ставшее ныне вполне реальным вышло из поэзии и мечты. Из, казалось бы, несбыточной мечты...” [22].

Показателем активной употребительности выражения строить воздушные замки служит и его постоянное обыгрывание, оживление его прозрачного, как воздух, образа. “Только *воздушные замки* строят без недоделок” – читаем в [23]. “*Стройте воздушные замки только в безвоздушном пространстве!*” – вторит в той же “Литературке” Феликс Кривин [23]. А в разговорной речи можно услышать и такое перевоплощение образа, как *рисовать хрустальные дворцы*. Любопытна и трансформация, построенная по логике ассоциативных замен, например, у Н.Г. Чернышевского, продолжившего тему “замка” словами *дом и избушка*: “Воображение строит свои воздушные замки тогда, когда нет на деле не только хорошего дома, даже сносной *избушки*” [24].

Самым изощренным обыгрыванием образа этого выражения, является, пожалуй, его ассоциативная “перестройка” у Б. Слуцкого. В стихотворении “Биография” он не только трансформирует структуру выражения, превращая его в “*строить замки из чистого воздуха*”, но и дважды сталкивает их прямое и переносное значения: с одной стороны, ясно просвечивается его исходный образ, с другой – оба значения наслаиваются на специально профессиональное, “летчикское”, взаимодействуя с термином *воздушная яма* и ассоциируясь со смертельным риском:

Двадцать восемь годов без отдыха
строил замки из чистого воздуха
и воздушные ямы копал:
или пан или пропал.
Вдруг врачебный осмотр.
В авиации,

Как авария, что ли, почти,
так внезапная демобилизация.
Уходи.

Такие языковые эксперименты обычно возможны тогда, когда фразеологизм понятен без комментариев. Они откладываются в языковое сознание и в виде отточенных афоризмов-каламбуров типа *Только воздушные замки строят без недоделок* [25] или *Воздушные замки можно не запирять на замки* [26]. Здесь межуровневое взаимодействие фразеологизма (или его компонентов) с текстом повышает образный и экспрессивный потенциал того и другого, производя художественно-эстетический эффект.

Основная специфика фразеологического уровня по сравнению с другими, как видим, определяется структурно-семантическими ограничениями, вытекающими из компликативной сущности ФЕ. Такая компликативность порождена внутренней динамичностью фразеологической системы, регулируемой выявленными уже давно [27; 29; 30; 32] оппозициями: “устойчивость – неустойчивость”, “моделируемость – немоделируемость”, “имплицитность – эксплицитность”, “образность – безобразность”, “экспрессивность – нейтральность”, “синхрония – диахрония”. Ряд таких “энергетических” поляризаций во фразеологии велик, но не бесконечен. Их выявление, иерархизация и объективный анализ необходимы для дальнейшего постижения специфики столь непостижимого в своей противоречивости языкового уровня, как Фразеология [33].

Литература

1. *Архангельский В.Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке / В.Л. Архангельский. Ростов н/Д., 1964. 316 с.
2. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / под ред. Б.А. Ларина; пер. с нем. и предисл. О.Н. Трубачева. Т. 1–4 / М. Фасмер. 2-е изд. М.: Прогресс, 1964–1973. 1986–1987.
3. *Потебня А.А.* Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка / А.А. Потебня. Харьков, 1894.
4. *Никитина Т.Г.* Так говорит молодежь. Словарь молодежного сленга. По материалам 70–90-х годов: 2-е изд., испр. и доп. / Т.Г. Никитина. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 592 с.
5. *Алексеев М.А.* Словарь отфразеологической лексики современного русского языка / М.А. Алексеев, Т.П. Белоусова, О.И. Литвинникова. М.: Азбуковник, 2003. 400 с.
6. *Шукин В.* Рассказы. Повести / В. Шукин. М., 1989.

7. URL: http://az.lib.ru/i/ilfpetrov/text_0100.shtml – И. Ильф и Е. Петров.
8. Мелерович А.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. М.: Русские словари, 1997. 864 с.
9. Бирих А.К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь; 3-е изд., испр. и доп. / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.
10. URL: <http://krilov.velchel.ru/index.php?cnt=8&sub=1&part=0#> – Крылов И.А. Ночи (повесть).
11. URL: http://www.gelos.kiev.ua/salon/vvek_books_Russkie-knigi-18-veka.-P.php?sku=newbooks8 – Павлов В. Три сундука или Хитрость женщины: комедия в трех действиях.
12. Херасков М. Ненавистник / М. Херасков. Палевская, 1980.
13. URL: http://webreading.ru/prose_/prose_rus_classic/n-karamzin-melodor-k-filaletu.html
14. Княжнин Я. Жених трех невест / Я. Княжнин. СПб., 1807.
15. URL: http://royallib.com/book/chehov_anton/drama_na_ohote.html – Чехов А.П. Драма на охоте.
16. Степняк-Кравчинский С. Андрей Кожухов / С. Степняк-Кравчинский. М.: Юнацтва, 1982.
17. Савина М.Г. Горести и скитания: театральные мемуары: искусство / М.Г. Савина. М.: 1961.
18. Егоров В. Букет красных роз / В. Егоров. М.: БПП, 2009.
19. Смоктуновский И. Время добрых надежд. М.: Искусство, 1979.
20. Стуруа М.Г. Вид на Вашингтон из отеля “Уотергейт” / М.Г. Стуруа. М.: Политиздат, 1984.
21. URL: <http://userdocs.ru/pravo/57085/index.html> – В.И. Ленин. О социальной структуре власти.
22. Рубинов А. Трудно быть директором / А. Рубинов // Лит. газета. 1975. № 11.
23. Литературная газета. 1975. № 41.
24. URL: http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0410.shtml – Н.Г. Чернышевский. Эстетические отношения искусства к действительности.
25. Лит. газета. 1975. № 41.
26. Крокодил. 1985. № 5.
27. Мокиенко В.М. От Авося до Ятя / В.М. Мокиенко. СПб.: Изд-во СПб-го ун-та, 1998. 491 с.
28. Некрасова Е.А. Языковые процессы в современной русской поэзии / Е.А. Некрасова, М.А. Бакина. М., 1982. 312 с.
29. Мокиенко В.М. Большой словарь русского жаргона / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб.: Норинт, 2000. 720 с.
30. Мокиенко В.М. Славянская фразеология / В.М. Мокиенко. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1989. 287 с.
31. Палевская М.Ф. Материалы для фразеологического словаря русского языка XVII века / М.Ф. Палевская. Кишинев: Штиинца, 1980. 366 с.
32. Mokienko V. Fraseologia eslava. Manual universitario para a especialidade de lingua e literatura rusa / V. Mikienko. Santiago de Compostela: Xunta de Galicia, 2000. 504 p.
33. Шевченко Н.М. Описание системных отношений во фразеологическом словаре русского языка / Н.М. Шевченко // Вестник КРСУ. 2007. Т. 7. № 4. С. 107–112.